

Сеферова Ф. А.
Крымский инженерно-педагогический университет

ПОЭЗИЯ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО В КРЫМСКОТАТАРСКИХ ПЕРЕВОДАХ: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И НОВАТОРСТВО

Знакомство с переводами произведений украинских писателей на крымскотатарский язык показало, что отдельные теоретические вопросы перевода постепенно находят своё верное решение. Произведения Т. Г. Шевченко, переведённые крымскотатарскими переводчиками в разные периоды истории крымскотатарской литературы, близки к оригиналу и, отметим, что это не простое “копирование” подлинника, а творческое его освоение. Крымскотатарский читатель получил возможность увидеть черты национального характера героев, проникнуть в национальную психологию лирического героя, постигнуть специфический быт украинского народа.

Ключевые слова: ритмомелодика, национальная идиоматика, словесная ткань, оригинал, подстрочный перевод.

Актуальность темы статьи обусловлена потребностью освещения особенностей поэтического перевода. Как известно, поэтический перевод по своему характеру обычно носит обобщённый характер. В текстах переводов не раз встречается национальная идиоматика, специфические сравнения, и каждый раз переводчики находят возможность по-разному, но обязательно верно передать содержание источника.

Цель статьи – выявить степень традиционализма и новаторства в крымскотатарских переводах поэзии Тараса Шевченко.

Задачи:

- проанализировать, как крымскотатарские авторы представляют великого Т. Шевченко широкой массе крымскотатарских читателей;
- проследить, сумели ли переводчики при передаче на крымскотатарский язык художественно-изобразительных средств произведений Т. Шевченко достичь той выразительности и образности, которые присущи оригиналу.

Известно, что поэтический перевод по своему характеру обычно носит обобщённый характер. Так, содержание и идея отдельных или нескольких строк, эпизодов, порою даже и целых отрывков источника на переводимый язык передаётся в обобщённой художественной форме. При таком переводе на каждую строку переводимого произведения не всегда обязательно соответствует отдельная строка. Нет необходимости говорить о том, что поэтический перевод на крымскотатарский язык Т. Шевченко, поэта, относящегося к иному культурному кругу и отстоящего от нас на два столетия, представляет трудности. Затруднения здесь не только в передаче национального, идеологического своеобразия, передаче языковых средств, идиоматики. Основная трудность поэтического перевода Т. Шевченко состоит в том, что его художественное мировоззрение, как и у каждого великого поэта, слито со словесной тканью произведения. А эта словесная ткань, разумеется, не может иметь полного эквивалента в другом языке. Что же касается стиля Т. Шевченко, то он очень сложен. Читатель оригинала стихотворений Т. Шевченко, даже если он знаком с философией его эпохи, не сразу овладевает его системой терминов и символов. Но по мере чтения, повторения их в разных сочетаниях, мысли, позиция автора становятся ясными и близкими.

“Тарас Григорьевич и сегодня с нами, – пишет в своей работе видный писатель, публицист Амет Озенбашлы. – Его творчество является бесценным, достойным гордости украинского народа достоянием. Величие его творчества в том, что оно и сегодня даёт нам вдохновение, силы...” [1]. А. Озенбашлы, несомненно, прав,

утверждая, что при переводе Т. Шевченко, как и любого другого классика, необходимо прежде всего попытаться разобраться в личности самого поэта, познакомиться со многими его произведениями, обстоятельно изучить исторические условия, воссозданные в его творениях.

Крымскотатарские поэты с 30-х гг. XX ст. овладевали поэтическим языком Т. Шевченко и научились посылно передавать его. Эшреф Шемьи-заде, Шамиль Алядин, Юнус Темиркая, Амет Мефаев, Билял Мамбет, Аблязиз Велиев, Шерьян Али, Шакир Селим, Юнус Кандым сумели, в основном, верно воссоздать в формах крымскотатарской речи "... ту реальную ситуацию, ту внеязыковую действительность, которая в данном тексте описывается" [2, с. 18].

Дружеские контакты украинских и крымскотатарских писателей и поэтов, отражение крымскотатарской тематики в украинской литературе, взаимные переводы – всё играет большую роль во взаимообогащении литератур. Приведём пример. В 1939 г. в Киеве тепло и широко отмечалось 125-летие со дня рождения великого Кобзаря. Одно из выступлений оказалось неожиданным. П. Тычина, хорошо знавший крымскотатарскую литературу, владеющий крымскотатарским языком, прочитал "Заповіт" на крымскотатарском языке в переводе писателя Шамиля Алядина (1912–1996). А в 1940 г. в Крыму был издан сборник избранных произведений Т. Шевченко опять же в переводе Шамиля Алядина. Сегодня единственный экземпляр книги хранится в фондах крымскотатарской библиотеки им. Исмаила Гаспринского. Впоследствии за удачный перевод программных произведений Т. Шевченко Шамиль Алядин был награждён юбилейной медалью Т. Шевченко.

Ещё раньше, в 1935 г., к творчеству Т. Шевченко обратился молодой в то время поэт Эшреф Шемьи-заде (1908–1978). Следует отметить, что в начале 30-х гг. Эшреф Шемьи-заде скрупулёзно изучал жизнь и быт украинцев, других народов. И поэтому его переводы так искренне, так чутко и тонко отражают неповторимость характера каждого народа. Предлагаемый вниманию крымскотатарского читателя перевод стихотворения "Заповіт" – "Васиет" был осуществлён с максимальным приближением к подлиннику. Э. Шемьи-заде воссоздавая по-крымскотатарски это произведение, сумел постичь его характер и показать читателю тридцатых годов "нового" Т. Шевченко. Великий Кобзарь предстал тонким лириком; присущая ему гражданственность как бы трансформировалась в мировосприятие сугубо философское, а может быть, дала себя знать в колокольном звучании иных стихотворных формул, о жизни, времени, человеке, поэзии. Улавливая смысл и дух произведения, Э. Шемьи-заде первые строки стихотворения "*Як умру, то поховайте Мене на могилі, Серед степу широкого, На в країні милій...*", переводит "*Ольсем мени комюньиз Украйнамынь багърына, Мезарымны къазыньыз Къулан чель топрагъына. Билейим мен къургъаннынь Коксюнде яткъанымны...*" Подстрочный перевод: "*Как умру, то похороните Меня в сердце моей Украины, В широкой степи выройте могилу, Буду знать я, что лежу на груди кургана*" [4, с. 13]. Переводчик создаёт впечатление "благодарного гимна" во славу Украины. Но одна строка, в которой неожиданно возникает и портрет Крыма: "*Билейим мен къургъаннынь Коксюнде яткъанымны...*" Подстрочный перевод: "*Буду знать я, что лежу на груди кургана*". Заметим, что ритмическая организация речевой конструкции не нарушена. Э. Шемьи-заде отделяется от слов текста, тем самым приближаясь к смысловой структуре выражения в целом. Таким образом, вариант перевода, выбранный Э. Шемьи-заде, вполне соответствует идейно-художественным задачам подлинника, безболезненно вплетается в словесную ткань стихотворения, ибо несёт ту же смысловую нагрузку и интонацию, обладает той же эмоциональной окраской, что и украинский вариант.

Э. Шемьи-заде с присущим ему чутьём и чувством прекрасного воссоздаёт не только в ритме, интонации, но и в звуке своеобразную красоту Украины. Он сумел найти точные, ёмкие сравнения, самые верные слова. Это, например, строки, где читатель слышит величественный рёв Днепра, переведённый так, что ощущает его движение. “ДнеРнинъ кътуРып”, “туРаРым къабРимден”, “Узюнъиз бугъавлаРны, ювынъыз дияРлаРны” (“Як Реве Ревучий” “кРов воРожу”, “кайдани поРвите и вРажою злою кРовью волю окРошите”) Рокочущее “р” проходит через всё произведение. Для обеспечения эффекта рифмовки в конце каждой строки перевода использованы созвучные слова, роль которых не ограничивается формальной функцией и музыкальностью чтения. Они способствуют проникновенному восприятию смысла произведения: “Мени джыйып къалкъынъыз ве Узюнъиз бугъавларны. Залым душман къаны иле Ювынъыз диярларны”. Объёмы оригинала и перевода совпадают: несмотря на различие самих языков их морфологии и синтаксиса. В целом, в переводе достигнуто полное соблюдение сюжетной композиции и безущербное отражение идейного содержания стихотворения. Крымскотатарский текст “Заповіт” – “Васиет” получил широкое распространение и признание, так как оказался первым по времени, и самым сильным поэтически, и самым точным в передаче стихотворной “плоти и духа оригинала” [3, с. 20].

Нельзя не отметить и добротную работу поэта Амета Мефаева при переводе стихотворения “Думи, мої думи” – “Ойларым, меним ойларым”, не только бережно сохранившему лексический фонд произведения, но и передавшего то, что называется сенсорным строением его стиха – душевную тональность, сложные оттенки настроения. Так, в тонкой фонической организации стиха мы ощущаем интонацию, которая как бы подсказана системой доминантных нежных фонем: “Думи мої, думи мої, Лихо мені з вами! Нащо стали на папері Сумними рядами?.. Чом вас вітер не розвіяв В степу, як пилину? Чом вас лихо не приспало, Як свою дитину?..” Перевод: “Ойларым, меним ойларым, Меним азиз тувгъанларым, Ред этменъиз, ойларым, Мени бу зор йылларым. Кок къанатлы гогерджиндай Учуп келинъ яныма Бу сахралы якъларгъа...”. В стихотворении встречаются строки, где автор, как бы играя словами, добивается эффекта двусмысленного выражения высказываемого. И в таких случаях переводчик делает попытку максимально приблизить перевод к оригиналу, сохраняя при этом смысловые и формальные его сущности.

Заметим, что в традиции лучших крымскотатарских поэтических переводов – стремление к функциональной адекватности перевода. “Для меня поэзия Т. Г. Шевченко является музыкой исходящей из большого любовью к своей Родине сердца, – говорит поэт-песенник Аблязиз Велиев. – При переводе содержания поэтического текста, я стараюсь сохранить прекрасную, своеобразную ритмомелодику” [5, с. 25]. Аблязизу Велиеву удалось найти, единственно правильный путь при переводе конкретных национальных реалий, передать почти в первозданности языковые особенности стихотворения Т. Шевченко “Не женися на багатій” – “Бай къызына эвленме”. А. Велиев глубоко проникает в кладовые народной мудрости и фольклора, умеет донести до крымскотатарского читателя смысловые оттенки украинских пословиц и поговорок, найти эквивалентную замену идиомам и реалиям с ярко выраженной национальной окраской – “Не женися на багатій, Бо вижене з хати. Не женися на убогій, Бо не будеш спати. Оженись на вольній волі, На козацькій долі”... Перевод: “Бай къызына эвленме, Сыгъыштырмаз эвине. Фукъареге эвленме, Юкъу кирмез козюнъе. Сербестликке эвлен сен, Эвлен казак рыскъына”. Переводчик воссоздаёт, казалось бы, обыкновенными словами, самым естественным словесным ладом, в традиционных стихотворных формах, с традиционной рифмовкой

очень зримые, точные и тонкие картины. Перед взором читателя как бы оживают бескрайние украинские поля, леса, хаты, таинственные лунные пейзажи. А. Велиев использует эквиваленты, т. е. существующие в крымскотатарском языке фразеологизмы, пословицы, поговорки, которые всеми своими компонентами соответствуют оригиналу. Например, пословицу “У двох, кажуть, і плакати, Мов легше неначе” А. Велиев перевёл идентичной пословицей “*Экевлешип агъласанъ, Дейлер, юрек тынчлана*”. В этом случае найден удачный аналог в крымскотатарском языке как, например, в случае с переводом словосочетания “*козацькій доли*” – “*казак рыскъына*”. “Поэт Аблязиз Велиев является одним из тех, кто очарован медитативной лирикой Т. Шевченко, – пишет Александр Губарь. – Он выбрал прекрасные стихи для перевода. В этих стихах звучит тема величия “судьбы человека” [5, с. 21].

Ю. Кандым – переводчик творческий. Его переводы в большей своей части авторизованы. Он пересоздаёт на собственном языке переводимую вещь. Пересоздаёт, то есть берёт целое оригинала, разлагает его на составные элементы – и из них творит на другом языке неизбежно новое произведение. Стихотворение “Розрита могила” – “Тоналгъан къабир” позволило увидеть в общем плане творчество самого переводчика, обнаружив индивидуальность его собственной манеры – и в то же время, что не менее важно, его сугубо индивидуальный подход к переводимым авторам. Стихотворение “Розрита могила” – “Тоналгъан къабир” в переводе Ю. Кандыма производит впечатление некоего поэтического манифеста, раскрывающего характер поэзии Т. Шевченко, характеризующего её содержание. Вот четыре слова, утверждаемые и воспеваемые поэтом: “*Україно*”, “*Богдане*”, “*Дніпро*”, “*брат мій*”. Уловить здесь тревогу художественной исповеди-биографии, думается, не так уж трудно, и в этой исповеди, одновременно обозначено и отношение к переживаемому периоду, вернее даже – самоанализ художника, думающего о бренности мира и бытия, тленности земного и сущего. Мы видим глазами лирического героя разбередившую душу картину, и нам передаётся энергия высоких чувств и глубокой печали, порождаемых картиной разрытой могилы, но постепенно интонация меняется, и мы видим, что в мире, куда воображение уносит лирического героя, нет веселья, Шевченковское поле предстаёт грустным, у его лирического героя “чёрные очи налились слезами”, это образ несбывшейся мечты, печального ожидания: “*Подивись тепер на матір, На свою Вкраїну, Що, колишучи, співала Про свою недолю. Що, співаючи, ридала, Виглядала волю*” Перевод: “*Сени догъургъан Анайынъа, Украинагъа Бешигинънинъ баш уджуна Козьяи тѣкип мен йырладым, Бахтсыз такъдир йырларыны Беклей-беклей азатлыкъны*”. В приведённых примерах есть и графический эскиз мгновения, и здесь щемящее-тревожное чувство человека, разумом сердца постигшего величие любви к родине, к её родным краям, ко всем поколениям. В этом перечислении – и это характерно для поэзии Т. Шевченко – на первом плане образ Украины. Это исходит от народных начал, это питается классической поэтической традицией, живёт и дышит народной духовностью Ю. Кандым вводит этнографические детали, пейзаж, бытовые реалии как собственные наблюдения: “*Гуль чечеклер тарласында*”, “*Бешигинънинъ баш уджунда*”, “*Козьяи тѣкип мен йырладым*”, “*Бахтсыз такъдир йырларыны*” и т.д. Порой не имея готового эквивалента, Ю. Кандым обращается к словарному запасу родного языка и создаёт новую пословицу или поговорку, которая впоследствии приживается в крымскотатарском языке. Во многих случаях ряд украинских лексических единиц, не поддающихся переводу, умело рифмуются с крымскотатарскими словами. Следует отметить, что очень часто такие украинские слова, как “*Україно*”, “*Богдане*”, “*Дніпро*”, “*брат мій*”, “*москалеві*” “*німоті*” и др. (если этого требует форма рифмующегося

крымскотатарского слова) снабжаются той же грамматической формой крымскотатарского слова “Украинам”, “Богданым”, “Днеприм”, “кадым”, “москаллерге”, “немселерге” [5, с. 24]. Юнусу Кандыму присуще умение – переводя, создавать образ автора, человеческую личность переводимого поэта. Он стремится воссоздать самый стиль автора, самую манеру изложения – и это ему удаётся.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, сохранение в переводе художественно-выразительных средств требует от переводчика большого творческого мастерства, блестящего знания языка оригинала, глубокого понимания всей идейно-художественной структуры произведения. Во-вторых, удачный перевод поэзии Т. Г. Шевченко показал, что нет непередаваемых произведений, ибо каждый высокоразвитый язык – действенное средство для передачи содержания в единстве с формой и возможностями другого языка.

Л и т е р а т у р а

1. *Озенбашлы А.* Улу шаир / А. Озенбашлы / Ленин байрагы. – 1964. – Март 8.
2. *Фёдоров А. В.* Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. – М. : Высшая школа, 1983. – 217 с.
3. *Комиссаров В. Н.* Перевод и интерпретация / В. Н. Комиссаров // Тетради переводчика. – Вып. 19. – М. : Высшая школа, 1982. – С. 18–20.
4. *Шевченко Т.* Шиирлер / Тарас Шевченко. – 2014. – № 1. – С.13–15.
5. *Шевченко Т.* Шиирлер / Тарас Шевченко. – 2013. – № 2. – С. 20–25.

Сеферова Ф. А. Поетія Тараса Шевченка у кримськотатарських перекладах: традиціоналізм і новаторство.

Знайомство з перекладами творів українських письменників кримськотатарською мовою підтвердило, що окремі теоретичні питання перекладу поступово знаходять своє вірне рішення. Твори Т. Г. Шевченка, перекладені кримськотатарськими перекладачами в різні періоди історії кримськотатарської літератури, близькі до оригіналу і, відзначимо, що це не просте “копіювання” першотвору, а творче його освоєння. Кримськотатарський читач отримав можливість побачити риси національного характеру героїв, проникнути в національну психологію ліричного героя, досягнути специфічний побут українського народу.

Ключові слова: ритмомелодика, національна ідіоматика, словесна тканина, оригінал, підрядковий переклад.

Seferova F. A. The poetry of Taras Shevchenko in the Crimean Tatar translation: traditionalism and innovation.

Familiarity with the translations of Ukrainian writers in the Crimean Tatar language has shown that some theoretical issues of translation gradually find their correct solution. Works of Taras Shevchenko, translated by the Crimean Tatar translators in different periods of the history of the Crimean Tatar literature, are close to the original, and we note that this is not a simple “copy” of the original, and creative mastering of it. A Crimean Tatar reader has an opportunity to see the national traits of heroes, to penetrate the national psychology lyrical, to grasp the specific way of life of the Ukrainian people. The main difficulty of poetic translation of Shevchenko is that his artistic outlook, like every great poet, merged with the verbal texture of the product. And this verbal fabric, of course, can't have a full equivalent in another language. As for the style of Taras Shevchenko, it is very difficult.

Keywords: rhythm melody, national idiom, verbal fabric, original, word for word translation.